

«...МНЕ ПОКАЗАЛАСЬ ПРЕКРАСНОЙ ПО БОГАТСТВУ»

Кто был любимым живописцем Чехова?

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Чехова не раз является образ русского художника. Вспомним хотя бы незадачливого весельчака Рыбникова из рассказа «Припадок» или удачливого «жанриста, анималиста и пейзажиста» Рябовского в «Попрыгунье», наконец, героя «Дома с мезонином».

Мир художников был близок писателю по многим причинам. Чехов ценит изобразительность слова. Он начинал печататься в юмористических журналах, где текст и рисунок шли рука об руку. Его с молодых лет окружали товарищи брата Николая, который учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества: Левитан, Шехтель, Степанов.

Их характеры, поступки, творчество оставили след в жизни Антона Павловича, порождали его заботы и волнения, вызвали глубокие раздумья об ответственности человека перед своим талантом.

О дружбе Левитана и Чехова известно многим. Случались и размолвки, почти неизбежные в отношениях крупных, самобытных натур. Был и длительный разрыв, когда художник в героине «Попрыгуньи» усмотрел пасквиль на близкую ему женщину, а в Рябовском — карикатуру на себя.

И все же новый, 1900 год они встречали вместе. Живописцу, страдавшему тяжелым недугом сердца, оставалось жить несколько месяцев, писателю — несколько лет, и он отдал себе отчет в этом, глядя на умирающего товарища.

Это было в Ялте. На камне Левитан написал лунную ночь в сенокосную пору. И в красках, возможно, проступала печаль о сгоревшей заре вечерней, грусть о незаходящей заре утренней.

Брат Николай был талантлив, но безалаберен, не умел, да и не хотел сосредоточиваться на главном. Так и не принялся толком за заказанные ему иллюстрации к Достоевскому, а они могли составить ему имя серьезного, большого художника. Сам подгонял свою чахотку, портил нервы себе и близким. Не внял ни советам, ни предостережениям

Антон, рано умер. Тот, судя по всему, переживал утрату до собственных последних дней, собирал рисунки брата, затерявшиеся на страницах увеселительных изданий.

Шехтелю Чехов посвятил рассказ «Два скандала», а будущий знаменитый архитектор рисовал обложку первой книги писателя «Пестрые рассказы». Издателю виньетка не понравилась, но Чехов все же упрямился, часть тиража выпустил с работой друга.

Степанов с годами стал академиком живописи, а первые его самостоятельные шаги в анималистическом жанре тоже связаны с помощью Чехова, который предложил ему иллюстрировать «Каштанку».

Книга должна была выйти в издательстве Суворина. И ему 15 ноября 1888 года Чехов писал из Москвы в Петербург, сопровождая рисунок: «Это для обложки. Обложка у меня будет белая, а на ней пятном сядет собака. Будет просто, но хорошо. Рисовал художник Степанов, ярый охотник, изучивший собак до тонкости. Изобразить помесь таксы и дворняжки — задача нелегкая, но Степанов, как видите, решил ее блестяще...»

Чехов встречался с Айвазовским, чей характер ему не понравился. Писатель признавал высокий авторитет Репина. Они были лично знакомы. Художник нарисовал обложку для французского издания повести «Мужики». За декорационным оформлением спектаклей в Художественном театре, когда ставились его пьесы, Чехов следил сам, делал замечания, давал советы.

Писатель неприязненно, остро воспринимал любое проявление фальши и пошлости в искусстве, как и в быту. 26 января 1903 года он выговаривал в письме О. Книппер: «А петух в шляпе мне не понравился, потому что он шарлатанское изделие; нельзя в комнате держать таких вещей».

Можно судить и более широко о художественных вкусах Антона Павловича, о его взглядах на борьбу идей в российском изобразительном искусстве того времени.

Между 11 и 14 марта

1887 года он сообщил Шехтелю из Петербурга: «Академическая выставка плоха, но передвижная мне показалась прекрасной по богатству...» Из переписки следует, что Чехов не раз посещал крупнейшие выставки, следил за статьями Стасова, не всегда соглашаясь с ним.

Естественно задаться вопросом: кто был любимым живописцем Антона Павловича, виднейшим русским художником, по его представлению.

В письмах Чехов сам назвал его имя. Это Виктор Михайлович Васнецов, автор «Аленушки», эскизов декораций к «Снегурочке» в частной опере Мамонтова, монументальных росписей в киевском Владимирском соборе.

...Весна 1899 года. Газеты и молва разносят по стране имена Семирадского и Репина. Первый только что показал картину «Фрина» из жизни древних греков: при криках восторженной толпы дородная красавица обнажается, чтобы сыграть роль богини во время священного празднества. Написано сочно, натурально. Вещь кушлена министерством императорского двора за громадную сумму. Что-то около нынешней четверти миллиона. Тогда же Репин выставил свое новое произведение — «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных в городе Мирах Ликийских».

За это полотно ратует и Суворин. А Чехов пишет ему из Ялты четвертого марта: «Опять просьбы, просьбы и просьбы. Если продаются фотографии или вообще снимки с последних картин Васнецова, то велите выслать мне их наложенным платежом».

А одиннадцатого мая того же года писатель так отзывается о пьесе Гославского: «Любовь неинтересна, женщины непоэтичны, у художников нет вдохновения... точно все это бухгалтерия, за их спинами не чувствуется ни русская природа, ни русское искусство с Толстым и Васнецовым».

Живописью Виктора Васнецова восхищался и Горький, бывший тогда для Чехова одним из наиболее близких людей. И не случайно, что, находясь первого ноября 1900 года в Москве, Антон Павлович, сообщая в Крым о своем житье-бытье, пишет: «Здесь Горький... Завтра оба идем к Васнецову».

Думается, что такие упоминания и утверждения не случайны. Письма Чехова серьезные, как и все слова писателя, обращенные к людям и доверенные им.

И. КУПЦОВ.

3 ФЕВ 1981

МОСКОВСКИЙ КОДЕКС